



*Мешков Вадислав*

*228.1*

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

*СТРОГО 18+*

18+

# Вячеслав Игоревич Мешков

## 228.1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=55615691](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55615691)*

*SelfPub; 2020*

*ISBN 978-5-532-05962-7*

### **Аннотация**

Если вы думаете, что это сто первая книга о вреде наркотиков, то вы заблуждаетесь. Это первая книга о вреде их распространения. История рассказанная в этой книге основана на реальных событиях. В центре сюжета молодой парень, которому грозит пожизненное лишение свободы за небольшую подработку "кладмэном". Сможет ли он преодолеть все невзгоды связанные со столь суровым наказанием или ему уготована иная судьба? Содержит нецензурную брань.

# Содержание

ГЛАВА I	4
Глава II	27
Глава III	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

# ГЛАВА I

## 228 или 228.1

– Алло, – очень медленно и шёпотом сказал я, нажав на зелёную трубку.

– Вячеслав Игоревич, доброй ночи! Палата адвокатов, Анна Сергеевна, у нас срочный вызов. Вы можете принять заявку? Мне уже три адвоката отказали, очень вас прошу, – звонкий женский голос спрашивал просто, без малейшего удивления моё шёпоту.

– Сейчас, подождите, мне нужно 5 секунд.

Я заставляю себя подняться с тёплой постели, чтобы не задеть и не разбудить Дашу, иду на кухню и закрываю за собой дверь.

Свет включать не хочу, ненавижу, когда он резко бьёт в глаза, ощущение такое, как будто тебя ударило током. В темноте нащупываю стул и, садясь на него, отвечаю:

– Да, Анна Сергеевна, теперь я вас слушаю. Что там случилось?

– Судя по заявке, показания давать желает, задержали сегодня на выезде из города.

– Хорошо, там какой отдел полиции? Куйбышевский или Кировский?

– Кировский.

– Я принимаю заявку. Выезжаю через минут 15, напишите только номер телефона следователя, в прошлый раз пока ему не позвонил, в отдел не пускали.

– Да, сейчас пришлю вам по СМС.

– Спасибо.

М-да, чего только не сделаешь ради Палаты адвокатов, ненавижу работать ночью, тебя будят в тот самый момент, когда ты так крепко спишь и, как назло, забываешь выключить телефон.

Так, а вот и СМС от Анны Сергеевны, нужно позвонить следователю и обговорить детали вызова. Вбиваю номер следователя и её данные в свою телефонную книгу, после чего набираю номер телефона.

– Алло, Александра Игоревна Сухоруких? – спросил я, протирая одной рукой глаза.

– Да, это я, – бойко ответила явно молодая девушка.

– Это Вячеслав Игоревич Несмеян, адвокат Палаты адвокатов. Я звоню по поводу вашей заявки.

– Да, конечно, что вы хотите узнать?

– Он там как ранее судимый? Признаётся?

– Нет, ранее к уголовной ответственности не привлекался. Совсем молодой мальчик, опера его сегодня вечером на выезде из города задержали. Показания давать желает. Вы через сколько будете?

– Сейчас оденусь, думаю, приеду к вам через минут 20.

– Спасибо, буду ждать.

Так, теперь главное – не разбудить Дашу, ей же завтра на смену с утра ехать.

Медленным шагом вхожу в комнату и ловлю на себе расстроенный взгляд своей «русалки».

– Слава, ну сколько можно? – недовольно шипит Даша.

– Да, я всё понимаю, извини, что разбудил тебя, – неуверенно отвечаю я.

– Мы же ещё на Новый год с тобой договорились, что ты не будешь брать ночные вызовы, – Даша сказала очень громко, и, судя по интонации и темпу произношения, она явно не будет принимать мои дежурные извинения!

– Извини, там три адвоката до меня отказались принимать заявку, – шёпотом отвечаю я в надежде сгладить начинающийся конфликт.

– Мне-то какое дело, сколько там до тебя отказались? Давай уже укатывай на свою работу! – прокричала Даша на всю комнату.

– Даш, ну не сердись, пожалуйста. Я обещаю загладить свою вину, честное слово, – опять же шёпотом говорю я.

– Ага, загладит он! Давай уже езжай, не хочу продолжать этот бесполезный разговор.

Даша отворачивается от меня и, укутавшись в одеяло, пытается не обращать внимание на то, как я одеваюсь и произношу одну и ту же фразу: «Извини».

Мне хотелось её поцеловать, как я обычно это делаю перед уходом на работу, но тут явно не та обстановка, да и сама

Даша отвернулась от меня, явно намекая, что теперь она в статусе «Всё сложно».

Быстро одевшись, я смотрю сквозь окно на улицу, там, судя по всему, ветрено и прохладно. Ключи от квартиры, удостоверение адвоката вкладываю в сумку, быстро смотрю на себя в зеркало, чуть расчёсываюсь и выбегаю из квартиры.

Мотор своей любимой «Ауди А4» я решил не прогревать, благо она новая, ей всего-то один год. Включаю автомагнитолу, по радио играет В. Цой, что только радует слух и поднимает настроение.

Молодой мальчик, а я ведь так и не спросил у неё, как его зовут... Интересно, что он такого натворил, раз его так срочно хотят допросить? Убийство, разбой, изнасилование или, быть может, сбыт наркотиков? Ставлю на последнее, тем более был задержан на выезде из города и поздно вечером. За всеми этими мыслями и раздумьями я и не заметил, как приехал к отделу полиции, благо я жил в 10 минутах езды от Кировского районного отдела полиции города Ижевска.

Отдел полиции располагался, как это ни странно, на Кировском проспекте. Старое трёхэтажное здание, представляющее из себя типичное советское здание эпохи сталинского ампира. На первом этаже располагалась дежурная часть с оружейной комнатой и группой быстрого реагирования, камера хранения оружия, а также два кабинета дознавателей. На втором этаже располагались кабинеты следователей следственной части, а вот третий этаж был отдан начальству, его

первым, вторым и третьим заместителям, канцелярии, бухгалтерии и архиву. Подвал же имел четыре камеры предварительного содержания, в которые адвокаты какого-либо доступа не имели.

Вход в здание обычным людям был строго запрещён. Для прохода в здание в рабочее время необходимо было предъявить паспорт, а также оформить разовый пропуск, показать все содержащиеся в сумке предметы, а также ответить отрицательно на дежурный вопрос: «Имеются ли у вас при себе колющие, режущие предметы самообороны и иные запрещённые вещества?».

Адвокатам и другим специальным субъектам, напротив, вход в здание был всегда открыт, за исключением ряда оговорок. Для прохода в полицию или иной правоохранительный орган достаточно предоставить адвокатское удостоверение, а также сообщить цель визита. Но, увы, на практике именно адвокаты как защитники сталкивались с беспределом со стороны сотрудников правоохранительных органов, и под всякими невообразимыми предложениями их не впускали в тюрьмы, следственные изоляторы, суды и прочие учреждения пенитенциарной системы. Исключением не являлся Кировский районный отдел полиция города Ижевска, сотрудники которого зачастую выдумывали такие ограничения по входу в здание для адвокатов, которые невозможно описать литературным языком.

Быстро найдя место для парковки своего «немца», я под-

хожу к входу в здание. Хорошо, что оделся потеплее – на улице явно прохладно, быстрее бы меня впустили внутрь. Нажимаю на кнопку для связи с дежурной частью, по счастью, дверь открывают без формальных вопросов, наверное, меня тут давно ждут.

– Доброй ночи, адвокат Вячеслав Несмеян, – протягиваю удостоверение адвоката в окошко дежурной части.

– Доброй ночи, сержант Лихоманенко Александр Степанович, – отвечает мужской голос. Вы к кому и зачем?

– Мне к следователю Сухоруких Александре Игоревне.

– Сейчас наберу и узнаю, даст добро, пропущу, – сержант Лихоманенко явно настроен от меня как можно скорее избавиться, оно и понятно – из дежурной части раздаётся громко играющая музыка 90-х.

Через несколько минут мне на руки с удостоверением выдаётся разовый пропуск и даётся указание позвонить следователю, чтобы она спустилась за мной.

Я взглянул на затемнённое зеркало дежурной части и ответил:

– Хорошо, сейчас ей позвоню.

– Александра Игоревна, доброй ночи, это адвокат Несмеян, я стою у входа в отдел, вы можете спуститься за мной?

– Да, конечно, 5 минут, и я иду.

Александра Игоревна Сухоруких уже год как после окончания университета работала в должности следователя следственной части Кировского района города Ижевска УМВД

по Удмуртской Республики. Это была хрупкая девушка 23 лет, низкого роста, которая ещё совсем недавно переехала по распределению в город Ижевск после окончания Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел РФ. Внешне она была похожа больше на татарку, так как её лицо имело тонкие черты, заострённые ближе к явно выраженным монгольским скулам, а колорита внешности добавляли карие глаза и тёмные кудрявые волосы от природы цвета вороного крыла. Она очень любила свою работу, но ещё больше она обожала свою форму, которая и без того подчёркивала природную стройность и лёгкость её походки.

Никто не мог сказать, что на работе и в быту это были два разных человека, напротив, даже в общении со своими подругами Александра Игоревна не позволяла себе какого-либо подхалимства и общения за глаза, наверное, из-за этого подруг у неё было очень мало, да и с теми в последний год она начала видаться реже, всё из-за работы, которую она очень любила.

Строгость и внимание к самым мелким деталям выделяли «Сашеньку», как ласково называли сокурсники своего будущего генерала в юбке. С отличием закончив университет, Александра Игоревна решила вернуться домой, в Ижевске жили её мама и бабушка, по которым все 5 лет, проведённых в университете, она сильно скучала.

Через несколько минут Александра Игоревна спустилась и пригласила меня подняться на 2 этаж в её кабинет.

– На улице холодно, вы, наверное, замёрзли? – спросила у меня Александра Игоревна, быстро поднимаясь по лестнице.

– Нет, хорошо, что быстро впустили в отдел, в прошлый раз один час стоял перед входом и жутко замёрз, – ответил я.

– Хм... Дежурная часть, что с них взять, погоны сержанта получили, думают, что самые главные, – улыбаясь, ответила Александра Игоревна.

За этими разговорами мы вошли в кабинет № 206. Кабинет следователя Сухоруких А. И. ничем принципиально не отличался от тысяч таких же кабинетов следователей, расположенных в других отделах полиции города и области.

Размер кабинета не превышал 15 метров, на стенах были поклеены безликие жёлтые обои, потолок продымился от постоянного курения в кабинете и выглядел очень блекло, так же как и окно, которое мало того, что было очень грязным, так ещё выходило на оживлённую часть улицы, и вся плыть и грязь с улицы в тёплое время года постоянно летели в кабинет, делая его и без того ещё более пыльным. Отдельного слова заслуживал паркет на полу. Давно лишившийся какого-либо рисунка или орнамента, он больше напоминал по цвету кожу человека, болеющего какой-то венерической болезнью, так как то тут, то там на паркете были ярко-бордовые пятна, которые, по всей видимости, смыть уже было невозможно.

На полу в кабинете беспорядочно лежали то ли вещественные доказательства, упакованные в чёрный пакет, то ли

просто какие-то непонятные пакеты, содержимое которых было неизвестно, по всей видимости, и самой Александре Игоревне, так как переехала она в кабинет совсем недавно и толком не успела понять, что в этом кабинете подлежало уничтожению, а что действительно являлось вещественным доказательством, которое необходимо сдать в камеру хранения.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – мило произнесла Александра Игоревна, пододвигая мне старый деревянный стул.

– Да, спасибо, – ответил я, расположившись на этом стуле, про себя надеясь, что вчера на нём не сидел какой-нибудь бомж. Не хватало опять принести домой клопов. Даша точно меня убьёт, потому что клопы, по её словам, были в первый и последний раз.

– Хотелось бы знать, что совершил этот молодой мальчик, если вы вызываете адвоката ночью? – начал сразу же я.

– Молодого мальчика зовут Беридзе Георгий Лаврентьевич, он наркодилер. Сегодня вечером задержан на выезде из города, при себе у него изъято 25 пакетов со спайсами, высушенной коноплей, а также большое количество таблеток, я думаю, это экстази, – быстро произнесла Александра Игоревна, смотря в какие-то документы у себя на столе.

– Ну, это уже пусть экспертиза решает, кстати, заключение специалиста уже сделано? – я как бы начал плавно подходить к самому главному.

– Да, конечно. Всё готово, после допроса я вас ознаком-

лю с заключением специалиста, – Александра Игоревна сразу же дала понять, что общаться будет, только следуя букве закона.

– Вы позволите поговорить с моим подзащитным наедине перед допросом? – робко спросил я.

– Наедине точно нет, только под контролем оперативного сотрудника, и у вас есть не более 5 минут, его через два часа должны будут увезти в изолятор временного содержания, – строго отрезала следователь Сухоруких А. И.

– Постойте, согласно нормам процессуального права, перед допросом задержанному предоставляется право общения со своим защитником наедине, без присутствия посторонних лиц и без ограничения во времени, – попытался было возразить я в учтивой форме.

– Так, адвокат Несмеян! Я могу увеличить время вашего общения с задержанным Беридзе не более чем до 10 минут, и ни при каких раскладах вы не будете общаться с ним без присмотра оперативного сотрудника, вам ясно?

Диалог явно шёл не в мою пользу, и чтобы не начинать общение с конфликта, мне пришлось согласиться на такие явно неуютные условия.

Действительно, согласно действующим законам ограничение во времени общения и консультации адвоката и подзащитного перед допросом установлены не было, и я должен был общаться с подзащитным без посторонних лиц, но в данном случае начинать общение со следователем нужно не с

конфликта, а с компромисса, тем более когда речь идёт о самом первом общении.

– Хорошо, хорошо. Я готов, давайте 10 минут, мы можем поговорить с ним в коридоре, чтобы вы не слышали и не видели нас? – уважительным тоном произнёс я.

– Да, давайте в коридоре, но под присмотром конвоя и без всяких оговорок. Я как раз начну вбивать в протокол допроса ваши данные. Дайте мне, пожалуйста, ваше удостоверение, а также ордер, сейчас позвоню конвою, чтобы его поднимали с камеры временного содержания.

Завершив беседу со следователем, я решил выйти в коридор и там дождаться своего подзащитного. Коридор отдела полиции ночью выглядел очень мрачно. Тут вполне можно было снимать какой-нибудь фильм ужасов или триллер. В ширину коридор был очень узким, буквально метра 2, в самом его конце стояла большая копировальная машина, при этом к стенам были прибиты какие-то ящики высотой в человеческий рост, на полу лежал такой же старый ламинат, как в кабинете у следователя, который давно не меняли. Стены были покрашены в зелёный цвет, и местами краска отвалилась, особенно на стыке стен с потолком. На отвалившихся кусках стены виднелась плесень, которую, как мне казалось, никто не сводил, да и всем, по-моему, было безразлично.

Потолок был очень закопчённым, и даже казалось, что его ни разу не белили с самой сдачи в эксплуатацию здания. Ну

и главное, что придавало незабываемый колорит коридору полиции, так это жуткая вонь. И неясно было, что это за запах: то ли что-то протухло в камере хранения вещественных доказательств, то ли стены впитали в себя жутчайший смог табачного дыма, который валил из следственных кабинетов ежедневно.

Через 5 минут в конце коридора послышался звук поднимающихся людей. Спустя минуту передо мной появились трое мужчин. Беридзе Г. Л. выделялся на их фоне своей сильной худобой и высоким ростом. Конвоиров было двое, один из них шёл впереди Беридзе, другой – сзади, при этом все трое были скованы двумя парами наручников, каждая из которых была зафиксирована на кисти руки конвоира и на обеих кистях рук Беридзе.

Конвоиры, следуя всем правилам доставки подследственных, сняли с Беридзе ремень и шнурки, было видно, что штаны начали спадать, и Беридзе держал одну штанину рукой, не давая ей соскользнуть.

Беридзе действительно на вид был очень молод, я бы и не дал ему 18 лет. Это был светловолосый молодой человек с яркими голубыми глазами, прямым носом и тонкими губами. Очень неестественно на этом фоне смотрелась его тонкая шея, которая казалась слишком длинной. На Беридзе были надеты синие джинсы и голубая футболка, при этом на левой руке я успел разглядеть татуировку, но что там было изображено, я не заметил.

Конвои быстрым шагом доставил Беридзе к кабинету следователя, но при входе в кабинет один из конвоиров снял со своей руки наручники и проследовал в кабинет следователя, другой же снимать наручники не стал.

– Добрый день, Георгий Лаврентьевич! Меня зовут Вячеслав Игоревич Несмеян, я буду вашим адвокатом, – громко и ясно произнёс я, при этом в этот момент я остановил свой взгляд на конвоире.

– Добрый день, – еле слышно и не смотря в мою сторону, ответил Беридзе.

В этот момент один из конвоиров снял с Беридзе наручники и дал нам возможность начать диалог, предварительно указав на конец коридора и напомнив, что у нас есть максимум 10 минут. Отойдя с Беридзе в конец коридора, я шёпотом, чтобы содержание беседы не слышали конвоиры, начал давать первую консультацию своему подзащитному.

– Я расскажу тебе кратко, что тебе грозит и чем я могу тебе помочь, хорошо?

– Да, давайте. Мне за прошедшие 6 часов уже такого наговорили, что я уже сомневаюсь, выйду ли я отсюда когда-нибудь.

– Тебя обвиняют в сбыте наркотических веществ. Ответственность за это преступление предусмотрена статьей 228.1 Уголовного кодекса России. Судя по тому, что мне озвучил следователь, у тебя нашли расфасованные свёртки с наркотиками. Судя по размеру и количеству свёртков тут либо

часть 4 ст. 228.1 УК РФ, либо часть 5 этой же статьи. Для твоего понимания: часть 4 ст. 228.1 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 20 лет, по части 5 этой же статьи тебе могут в том числе дать наказание в виде пожизненного лишения свободы.

– Что???! Как пожизненное? Вы что шутите, прекратите. Мне опера, когда меня задерживали, сказали, что максимум мне светит до 5 лет лишения свободы, а если дам показания и во всём признаюсь, то дадут 3 года, и те условно.

– Я не шучу. Ты уже подписывал какие-нибудь документы до моего приезда к тебе?

– Да, протокол допроса свидетеля.

– И что ты рассказал в этом протоколе?

– Ну, я полностью признался в том, что я раскладывал «клад»<sup>1</sup>, то есть наркотики, в Ижевске и в пригородах на протяжении последних 4 месяцев, получая за это вознаграждение в размере 60 000 руб. ежемесячно на свою банковскую карточку. Клад я получал в оговорённом месте, при этом адрес места мне приходил в виде СМС-сообщения. После полученияклада я его фасовал, раскладывал в отдельные пакеты и сообщал оператору, что я готов развезти закладки по району и области, она ответным сообщением писала мне адреса и места, куда следует раскладывать закладки.

«Плохо дело», – тут же подумал я, с учётом такого протокола допроса и данных показаний со сбыта наркотиков на

---

<sup>1</sup> Клад (сленг) – форма обозначения наркотиков.

хранение с целью личного употребления переqualифицировать совершённое деяние гражданина Беридзе будет крайне сложно, а фактически невозможно. Да и сроки наказания у этих преступлений различные. Если хранение наркотиков с целью личного употребления карается в среднем более или менее лояльно, и максимальное наказание обычно не превышает 5 лет лишения свободы, то вот распространение наркотиков уже влечёт более строгое наказание, вплоть до пожизненного лишения свободы.

– А тебе разъясняли положения ст. 51 Конституции России до начала дачи показаний?

– Ну, мне что-то там говорили, разъясняли какие-то права, но я уже смутно помню. О чём эта статья?

– О том, что ты вправе отказаться от дачи показаний и можешь не давать показания в отношении себя лично.

– Нет, таких разъяснений моих прав не было, мне это точно не говорили.

– Хорошо, давай так. Сейчас у тебя есть два варианта: первый – ты даёшь показания и признаёшь вину во всём в надежде на то, что тебе дадут наказание ниже низшего предела.

Согласно практике Верховного Суда наказание за аналогичные преступления назначается в виде лишения свободы сроком до 13 лет. Либо второй вариант: ты отказываешься давать показания, пользуясь положениями ст. 51 Конституции, и ждёшь моего прихода в тюрьму. Там уже будем думать, как сделать лучше, что можно говорить, а что нельзя.

– В тюрьму? Это что мне ещё придётся посидеть какое-то время? Опера сказали, что если дам показания и во всём признаюсь, то сегодня же отпустят.

– Послушай, Георгий Лаврентьевич!!! Я, конечно же, всё понимаю, ты ранее не судим и оказался тут впервые в своей жизни. Я понимаю, что для тебя это огромный стресс и прочее, но ты также должен мне полностью доверять. Понимаешь?

– Да, понимаю. Но вы тоже должны понимать, я не готов и не хочу в тюрьму. Мне сказали, что дам показания и всё, я сегодня же буду отпущен на свободу, потом суд и 5 лет лишения свободы, да и те условно.

– Тебя, ну как бы тебе сказать проще, обманули. Так устроит?

– И что мне делать, как лучше? Что вы мне посоветуете?

– Бери 51 статью Конституции, хуже уже явно не будет. На 10 день у тебя закончится карантин в СИЗО, и я приеду к тебе на краткое свидание. Там уже детально всё обсудим, что говорить, а что не говорить.

Даже не могу описать, что может чувствовать в этот момент человек, когда слышит от своего защитника слова: «Наказание вплоть до пожизненного лишения свободы». Кто-то рассказывал мне, что состояние шока было настолько сильным, что хотелось заснуть и не проснуться, напротив, другие тут же ставили перед собой задачу – покончить жизнь самоубийством, так как понимали, что ни пять, ни даже семь или

тем более десять лет в неволе провести не смогут. Другие же, напротив, понимая весь ужас катастрофы, медленно сходили с ума, описывая свои ощущения как медленное расстройство личности.

Мне кажется, что Беридзе был из числа тех, кто после моих слов о возможности пожизненного лишения свободы окончательно сник и находился в состоянии глубокого коллапса. Его взгляд не был устремлён на меня, а был направлен в пол, он даже не моргал, просто стоял и, скорее всего, уже был не в этом мире, а где-то в другом измерении. Его мозг, скорее всего, автоматически отключился и отказывался реально воспринимать поступающую информацию.

– А можно задать вопрос, – едва не заикаясь, начал со мной говорить Беридзе.

– Да, конечно, я постараюсь ответить развёрнуто.

– В чём отличие 228 от 228.1, – медленно произнёс Беридзе.

– 228 УК РФ предполагает приобретение наркотиков с целью личного потребления. Но тут акцент идёт на величину приобретаемого наркотика, которая обычно ограничивается одним или двумя свёртками.

228.1 УК РФ указывает на распространение наркотиков, и тут размер, количество обнаруженных запрещённых веществ, конечно же, превышает два свёртка. Хранить при себе 25 свёртков с целью их употребления невозможно, тем более если эти свёртки расфасованы и разложены в разовые

пакеты. Сроки ответственности ты, я думаю, сам понимаешь, где больше. В ряде случаев срок наказания может доходить до пожизненного лишения свободы.

– То есть я могу сесть до конца своей жизни, больше никогда не увижу свою маму, папу, брата, друзей, родственников и вообще оттуда никогда не выйти?

– Да, при самом плохом раскладе ты действительно можешь сесть пожизненно без права и возможности временно выехать с территории тюрьмы вне зависимости от каких-либо внешних обстоятельств: смерть близких родственников, их тяжёлая болезнь, вступление в брак, твоя тяжёлая болезнь и прочее.

Наверное, сейчас кто-то обвинит меня в том, что я фактически лишил человека всякой надежды на какое-либо спасение и самой возможности выйти на свободу. Отнюдь, это не так. Действительно, стиль работы у каждого адвоката свой, кто-то даёт человеку надежду на спасение изначально, рисуя в его воображении воздушные замки розового цвета, кто-то, напротив, рассказывает своему доверителю всё как есть, не преувеличивая и ничего не приукрашивая. Хотя есть ещё и третий вариант общения с клиентом: «Бесплатно не работаю, деньги вперёд».

Реакция Беридзе была предсказуема, он тут же потух, и без того путаные мысли в его голове ещё более стали напоминать вихрь, в котором кружилось всё, начиная с его детства: трёхколёсный велосипед, на котором он так любил кататься,

любимая куртка, баскетбольный мяч, подаренный его родителями на его десятилетие, школьный завуч, дающий наставления перед окончанием школы, первое сентября в училище и знакомство с сокурсниками. Но самыми главными актёрами в этом вихре и потоке различных мыслей были родители Беридзе. Мама строго орала: «За что ты принёс нам такое горе?», отец стучал кулаком по столу и нецензурно кричал, бабушка просто плакала где-то вдалеке. Беридзе казалось, что уже ничего поделать нельзя, и ему ясно виделся конец – он старый, в какой-то замызганной фуфайке или телогрейке сидит на каком-то грязном стуле и нервно докуривает сигарету, ожидая окончания последнего дня в своей жизни, надзиратель ему что-то орёт, а он делает вид, что не слышит, после чего получает сильный удар в голову резиновой дубинкой и падает без сознания.

– Беридзе, Беридзе, вы меня слышите? – продолжаю я свою речь. – Так вот, я сказал вам не всё, есть ряд нюансов: во-первых, если экспертизой будет установлен не особо крупный размер изъятых наркотиков, то никакого пожизненного наказания не будет, возможно наказание до тринадцати лет лишения свободы. Во-вторых, если грамотно выстроить позицию защиты, то можно рассчитывать на снисхождение суда, а следовательно, назначение наказания ниже низшего предела. У меня в практике такие случаи были, людям давали наказание в виде восьми лет лишения свободы.

– Восемь, девять? – резко перебил Беридзе. – Да я и од-

ного года там не протяну, не говоря уже о восьми или девяти годах.

В этот момент к нам подошёл один из конвоиров и начал в приказном порядке требовать от нас прекращения общения, так как отведённое время истекло.

– Ещё минуту, и мы зайдём в кабинет, не переживайте, – ответил я громко.

Спустя минуту мы зашли в кабинет следователя, Беридзе сообщил ей, что отказывается давать показания.

Закончив формальности с оформлением протокола допроса, я спросил у Александры Игоревны:

– Скажите, пожалуйста, реализовано ли право моим подзащитным на телефонный звонок?

– Нет, мы ему запрещали кому-либо звонить.

– Хорошо, если я дам ему свой телефон, он может позвонить матери?

– Да, пожалуйста, у вас на это есть минут 5.

В этот момент Беридзе смотрел на меня отрешённым взглядом и, скорее всего, понимал, что теперь его жизнь разделилась на до и после.

До момента задержания с «кладом» всё было как по накатанной. Обычная семья, состоящая из заботливых и любящих родителей, два сына, из которых Георгий был старшим, а следовательно, должен быть надеждой, опорой и примером для подражания для младшего брата – Василия. В школе Георгий особых успехов не имел, олимпиады не выигрывал,

особой тяги к знаниям у него не было, как не было и особого желания учиться в университете.

После 9 класса им было принято решение поступить в ПТУ учиться на повара. Как сказала мама: «Зато научишься готовить, хоть мне дашь передышку, и я немного отдохну от кухни». Учился в ПТУ Георгий слабовато, но вот в силу любви к сладкому кондитерские изделия у него получались очень вкусными, и бабушка Зоя очень любила, когда её старший внучок угощал её пахлавой или творожным кексом своего приготовления. Друзей у Георгия было предостаточно, парнем он был очень общительным, а ещё у него была очень большая страсть к баскетболу, в который он любил играть в свободное от учёбы время.

В ПТУ Георгий появлялся не так часто, как хотели его преподаватели, больше ему нравилось либо сидеть дома, либо просто гулять с друзьями в торговых центрах, периодически заходя в брендовые магазины и мысленно примеряя на себя люксовую одежду, дорогие туфли, спортивную форму своей любимой баскетбольной команды. Денег на развлечения также не было, максимум были карманные расходы, которые выделялись мамой, да и тех денег хватало только на то, чтобы пообедать в магазине уличной еды или в столовой ПТУ. Отец неоднократно говорил сыну о необходимости подработки и неважно кем, главное – начать зарабатывать деньги и тратить их на себя, но Георгий отказывался даже от самой мысли мыть полы или раздавать рекламные листовки

«за копейки».

– Там максимум на два обеда заработаешь за весь день работы, – как-то раз возразил он отцу.

Между тем молчать на моё предложение позвонить матери он не стал, разве что ему было не ясно, как ей позвонить и что сказать?

– И с чего же мне начать с ней разговор, что мне сказать матери? – спросил Беридзе, не поднимая головы.

– Говори как есть, ты задержан полицией, скажи, что у тебя всё нормально, дальше я с ними встречу и расскажу им, как всё есть.

– Да, давайте так, – рассеянно сказал он.

Набрав продиктованный номер, я передал трубку Беридзе, который взял телефон дрожащими руками, понимая, что сейчас его жизненная катастрофа станет не только его личным горем, а горем всей его семьи: матери, отца, брата, бабушки, деда. Даже, возможно, кто-то из друзей узнает и начнёт искренне сопереживать, а, возможно, напротив, начнёт злорадствовать.

– Мама, доброй ночи, это я, Георгий, – едва не запинаясь, начал Беридзе.

– Алло, ты где, почему не дома, мы с отцом всех твоих знакомых обзвонили, куда ты пропал? – отрывистый женский голос сразу же начал истерично кричать в трубку.

– Я в полиции, меня задержали за наркотики, завтра будет суд. Адвокат сказал, что меня посадят в тюрьму и, возможно,

надолго.

– Что? Какие наркотики, что ещё за шутки, что значит посадят в тюрьму?

– Это не шутки, я ему дам телефон, он сказал, что наберёт тебя, как выйдет из отдела полиции. Суд, как я понял, будет завтра днём, сейчас меня увозят в ИВС. Извини меня, пожалуйста, я очень сильно вас подвёл с отцом, я не шучу про наркотики и про тюрьму.

В кабинете повисла гнетущая тишина, Александра Игоревна сделала вид, что заполняет какие-то документы, я просто отвернулся от Беридзе в сторону, подойдя к окну, чтобы не смотреть ему в глаза, так как он начал плакать и просить прощения у родителей. Эти слёзы не были слезами отчаяния или боли, эти слёзы были слезами разочарования в себе.

Закончив разговор, он передал трубку мне в руки и начал вытирать глаза. Александра Игоревна учтиво предложила ему сделать пару глотков воды, но он отказался. В кабинет вошли конвоиры и начали надевать на Беридзе наручники, которые, закрываясь на запястьях, щёлкнули в кабинетной тишине особенно громко. Впереди был суд, который должен был определить дальнейшую участь молодого человека.

# Глава II

## 60 суток

Попрощавшись с Александрой Игоревной, я направился к выходу из отдела полиции. Отдав разовый пропуск в дежурную часть, я наконец-то вышел на улицу и вдохнул свежего воздуха, тем более на улице стало чуть светлее.

Эх, как же я люблю, когда утро действительно доброе и солнечное, а не какое-то хмурое или промозглое. Меня ещё с детства притягивало чистое небо, а также штиль и отсутствие ветра.

Приятно в обычный день, просто подняв голову вверх, любоваться небом, созерцая его охват и бесконечность. В такие моменты я обычно вспоминаю своё детство, было весело придумывать и создавать на небе целые миры, состоящие из облаков, а также рисовать в своём воображении воздушные замки.

Тут над тобой пролетала условная Италия в виде утончённого женского сапога, вслед за ней мчалась старушка Англия, словно крича: «А ну вернись немедленно и не убегай от меня!». Вся эта картина плавно могла начать превращаться в животных, драконов или хищных рыб, и главное – так я мог сидеть на какой-нибудь лужайке у дома или внутри двора часами, и ничто меня не могло отвлечь от этой прекрас-

ной картины, созданной природой: ни мультики, ни кино, ни даже мамины беляши.

Что-то есть такое в небе неопишваемое и необъяснимое, что придаёт ему чистоту, ту чистоту, которую мы порой ищем в нашей душе, в наших мыслях, но, увы, не находим или в силу определённых обстоятельств глушим на корню.

На часах было ровно 07:30, и на моём телефоне зазвенел будильник, я его резко выключил, пожелав самому себе доброго утра. Даша, наверное, уже проснулась и, возможно, уже поехала на работу, представляю, как она на меня зла. Ну да Бог с ней, тем более я знаю, как загладить свою вину, жаль, на завтрак не успел, мог бы поесть свою любимую овсяную кашу с молоком.

Чёрт, сегодня же моя очередь готовить завтрак, не зря мой будильник прозвенел на полчаса раньше подъёма, уверен, Даша будет зла на меня вдвойне.

С этой нехорошей мыслью я сел в свою любимую «Ауди». Так, нужно чуть-чуть прогреть двигатель и позвонить матери моего нового клиента.

Александра Игоревна сказала, что суд будет рассматривать ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу после 14:00, следовательно, лучше бы увидеться с ними до обеда, но смогут ли они приехать в наш офис, это большой вопрос.

Поколебавшись немного с формой диалога, я решил начать телефонный разговор официально, чтобы не было дол-

гой консультации.

Набрав номер телефона матери, я плавно начал:

– Алло, добрый день ещё раз, меня зовут Вячеслав Несмеян, я адвокат вашего сына.

В телефоне послышался чуть тонкий звук явно обессиленной женщины, слышно было, как трубку передали другому человеку со словами: «Возьми, это адвокат звонит».

– Добрый день, я отец Георгия Беридзе. Меня зовут Беридзе Лаврентий Михайлович, вы можете рассказать, что случилось с моим сыном, где он и почему говорил про какие-то наркотики, он у нас даже не курит, – громко прокричал в трубку Лаврентий Михайлович.

– По телефону я такие вопросы не обсуждаю, вам удобно будет записать адрес и приехать на устную консультацию? – отрезал я резко.

– Ну хотя бы пару слов, поймите, это мой сын, мы не видели его три дня. Мы в глубочайшем шоке и не можем в это поверить, – очень взволнованно сказал Лаврентий Михайлович, как бы сглаживая повышение тональности голоса.

Я вздохнул и начал было оправдываться, что согласно последним рекомендациям Палаты адвокатов мне категорически запрещено с кем-либо обсуждать существо предьявленного обвинения моему подзащитному, а также пересказывать кому бы то ни было показания подзащитного. Но раз такая ситуация и такое серьёзное обвинение, то кратко я могу ответить на ряд вопросов. Далее я огласил отцу Беридзе

существо предъявленного обвинения, статью Уголовного кодекса, которая предусматривает ответственность за это преступление, и примерные сроки рассмотрения дела, а также уведомил, что сегодня Кировский районный суд Ижевска будет решать вопрос об избрании меры пресечения.

– Подождите, остановитесь, – живо одёрнул меня Лаврентий Михайлович, – какой ещё суд? Я вам ещё раз повторяю, мой сын не употребляет наркотики и никогда их не употреблял, он у нас даже и курить-то пробовал один раз в жизни, и за тот проступок я его сурово наказал.

– Так, я ещё раз повторяю, все консультации и разговоры о судьбе вашего сына только при личной беседе, – едва гася в себе раздражение от несдержанности, произнёс я.

– Когда и куда нам приехать? – наконец-то произнёс Лаврентий Михайлович.

– Так, давайте сегодня в 12:00 у меня в офисе, надеюсь, вам удобно будет?

– Сегодня точно ни я, ни супруга днём не сможем, можно вечером приехать?

– Да, давайте тогда вечером, предлагаю после 18:00, записывайте адрес: улица Самарская, дом 63, корпус А-1.

– Мы будем, – трубку резко положили, не сказав дежурного спасибо.

На этой минорной ноте я поехал в офис, нужно было получить всю почтовую корреспонденцию, а также проверить электронную почту.

Примерно через час я был в офисе Коллегии адвокатов «Новелла», членом которой я являлся последние пять лет с момента сдачи квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката.

Наш офис располагался в крупном бизнес-центре «Башня», в народе получившем прозвище «Прозрачная стекляшка». Офис был очень красивым и состоял из комнаты – переговорной, 4 кабинетов и ресепшена, который возглавляла наш секретарь Татьяна Константиновна Малиновская.

– Доброе утро, Татьяна Константиновна, – бодрым голосом отрапортовал я, едва перешагнув порог.

– Доброе утро, Вячеслав Игоревич, прошу подойдите ко мне, пожалуйста, вам принесли пару писем с почты, – с улыбкой произнесла Татьяна Константиновна.

Получив почту, я зашёл в свой кабинет и включил рабочий компьютер. Кабинет был разделён на четыре рабочие зоны, одну из которых занимал я. Оставшиеся три занимали мои коллеги, так Лев Натанович Гаммершмидт адвокат с двадцатилетней практикой, появлялся в офисе крайне редко, в основном чтобы провести консультации в переговорной со своими клиентами.

Изольда Станиславовна Чехова брала только семейные дела и бесконечно делила имущество бывших супругов, которые до знакомства с ней клялись друг другу в верности до гробовой доски.

Ну и, собственно, мой самый близкий коллега, а по совме-

стителству друг – Лебедев Виктор Сергеевич. С Виктором Сергеевичем я познакомился, ещё учась в институте, и с тех самых пор мы были близкими друзьями, разве что болели за разные футбольные команды, а в остальном наши взгляды на жизнь имели много общего.

В кабинете не было никого, и я спокойно начал разбирать почту: сопроводительное письмо из прокуратуры города о неправомерных действиях сотрудников полиции было отправлено в корзину, так как в нём я был уведомлён о передаче моей жалобы в службу собственной безопасности МВД.

Повестка о вызове меня для рассмотрения по существу поданной мною месяцем ранее апелляционной жалобы на приговор Куйбышевского районного суда города Ижевска была аккуратно вложена в соответствующее дело, отметка о явке в суд была тут же записана в ежедневник.

Рабочая почта была, как обычно, завалена лишним спамом, сопроводительные письма которого предлагали мне то дешёвые газонокосилки со скидкой в 80%, то горящие туры в Абхазию или в Армению.

– Тук, тук, о величайший из величайших светил отечественной юриспруденции! – весело окликнул меня Лебедев Виктор Сергеевич, заходя в кабинет с улыбкой.

– О, чёрт! Ты припёрся вовремя, на тебя это как-то не похоже. Как же я не хочу тебя видеть, – закатывая глаза в потолок, пробурчал я.

Именно так мы с Витей друг друга приветствовали еже-

дневно, и люди, нас не знающие, наверное, бы подумали о нас как о двух довольно странных личностях. Но это лишь наша внутренняя манера общения, которая не была понятна посторонним лицам.

Виктор был мужчиной в самом расцвете своих сил. Он всегда был бодр и свеж. У него была удивительная особенность всегда, где бы он ни был, выглядеть с иголки: будь то судебное заседание в каком-нибудь маленьком городе, будь то процесс на десятки миллионов рублей в Арбитражном суде, будь то процесс у мирового судьи по вопросу лишения водительских прав за нетрезвую езду.

Виктор был чуть выше среднего роста, его тёмные волосы всегда были аккуратно подстрижены, тёмные глаза постоянно бегали, словно в поиске какого-нибудь, как он сам говорил, особо грязного дельца, а его девизом по жизни был слоган: «Смелость города берёт».

Среди профессиональных качеств Виктора я бы отметил его непроницаемость, что бы ни случилось, он всегда, несмотря ни на что, гнул свою линию, за те 5 лет, что я активно работал адвокатом и ежедневно принимал участие в различных процессах, я не встречал столь упёртого адвоката, как он. Без зазрения совести и без смятения он мог легко назвать белое – чёрным и через секунду повторить уже обратное, но, как он всегда любил повторять, это делается только ради выгоды доверителя и в его пользу.

Характерен эпизод из его адвокатской практики. Защи-

щая одного из владельцев местного завода по изготовлению железобетонных изделий от нападков налоговой службы, Виктор, вооружившись напором и наглостью, смог вытянуть, по сути, мёртвое дело.

Суть спора сводилась к следующему. Налоговая подала иск в Арбитражный суд о взыскании убытков с некоего гражданина Волчанского Виктора Матвеевича. Гражданину Волчанскому вменяли в вину заключение ряда последовательных сделок от имени завода, в котором он занимал должность генерального директора, с целью отчуждения ценного оборудования, конечным получателем которого была иная организация, собственницей которой, в свою очередь, являлась жена гражданина Волчанского.

Спор рассматривался длительное время в Арбитражном суде и никак не мог завершиться в чью-либо пользу, суд постоянно откладывал слушания дела по различным причинам, и максимально возможный срок рассмотрения дела был превышен многократно.

На одном из судебных процессов налоговый инспектор приобщил в дело заявление о возбуждении уголовного дела в отношении гражданина Волчанского, которое было отправлено в отдел полиции Куйбышевского района города Ижевска за несколько лет до подачи иска в Арбитражный суд.

В заявлении указывалось на то, что Волчанский как генеральный директор завода с целью не платить налоги продал оборудование, принадлежащее заводу, по заниженной стои-

мости, да и те деньги заводом получены не были, что привело к его фактическому банкротству.

Дело с этого момента начало принимать негативный характер и могло закончиться проигрышем, но Виктор спокойно парировал, ни на минуту не сомневаясь в своей правоте, что по данному заявлению полицией какой-либо проверки проведено не было и оно было оставлено без рассмотрения. Судья же настоял на том, чтобы в следующее заседание в материалы дела поступил официальный документ от полиции, Виктор без какого-либо сомнения пообещал судье разобраться с тем, что же произошло с этим заявлением.

Каково же было удивление Виктора, когда его клиент сообщил ему о том, что действительно уголовное дело о мошенничестве полицией было возбуждено. Удивление сменилось полной растерянностью после слов клиента, что дело было передано в суд, который вынес обвинительный приговор и постановил: признать Волчанского Виктора Матвеевича виновным в совершении мошенничества, выразившегося в безвозмездном отчуждении оборудования завода на сумму 200 000 000 (двести миллионов) рублей. Согласно этому же приговору Волчанскому В. М. было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет, указанный срок суд посчитал считать условным.

В любой работе, вне зависимости от её рода или вида, есть место творчеству. Невозможно управлять самолётом, поездом, кораблем, да даже тем же автобусом без творческого

подхода. Каждый полёт или поездка по факту уникальны, так же уникально и любое адвокатское дело. Аналогичных дел не бывает, как не бывает одинаковых судеб человека, даже у тех же двойников при всём их внешнем сходстве разные характеры и разные судьбы.

Но в работе адвоката, как пилота или водителя, ещё должна присутствовать удача и надежда на лучший или более благоприятный исход, что и произошло с адвокатом Лебедевым в вышеописанном деле.

В назначенное время адвокат Виктор Лебедев прибыл в суд, конечно же, без приговора и до начала рассмотрения дела судом подошёл к налоговому инспектору с целью поинтересоваться у него, поступил ли какой-нибудь ответ из полиции.

Получив отрицательный ответ, адвокат Лебедев решил действовать по обстановке, тем более через общих знакомых он точно знал, что судья, рассматривающая дело, со следующей недели уходила в отпуск, а следовательно, сегодня она должна была выносить решение, так как в противном случае при наличии нерассмотренного дела в отпуск бы её не отпустили.

В судебном заседании адвокат Лебедев сообщил, не моргнув глазом и без какого-либо сомнения, что полицией было отказано в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, но отказное постановление полиции его клиент потерял, так как прошло уже более трёх лет и

хранить его он не обязан. Налоговый инспектор начал настаивать на необходимости получения именно ответа из полиции и даже приобщил в дело новое заявление, которое было направлено в полицию совсем недавно, но суд посчитал выступление Виктора Сергеевича более чем убедительным, а также упрекнул налоговую службу в том, что за три года следовало разобраться со своими заявлениями, тем более когда вопрос касается имущества стоимостью 200 000 000 руб.

Удалившись в совещательную комнату, судья после короткого совещания в итоге огласила следующее решение: в удовлетворении исковых требований Инспекции Федеральной Налоговой Службы Куйбышевского района города Ижевска к Волчанскому В. М. о взыскании убытков в размере 200 000 000 руб. отказать. Апелляция на указанное решение налоговым органом была подана, но и в её удовлетворении также было отказано.

Поговорив с Виктором ещё минут 30, я начал было готовиться к поездке в Кировский районный суд.

– Ты куда это собрался, адвокат Несмеян, работать, что ли? – вопросительно пробубнил Виктор.

– Да, представь себе, на работу!

– Что у тебя там, что-то есть интересное сегодня?

– Да, вроде намечается. Очередной барыга, вчера поймали на выезде из города. Вроде будет часть 4 ст. 228.1, на 228 переqualифицировать не получится, там 25 свёртков.

– Ну ты, если что, про меня там ему скажи, я за тебя пе-

реквалифицирую, – едва сдерживая ехидную улыбку, сказал Виктор.

Я не стал ему отвечать, а просто направился в сторону выхода. По дороге попрощавшись с Татьяной Константиновной, я медленно начал спускаться по лестнице, вспоминая, взял ли я со стола своё удостоверение или нет. Остановившись на лестнице, я начал перебирать отсеки в своей сумочке, как вдруг меня окликнул Виктор со словами: «Слав, вернись, удостоверение забыл на столе, как от гаишников будешь отмахиваться за неправильную парковку перед судом?».

Возвратившись в кабинет, я поблагодарил Виктора за внимание к моему рабочему столу в моё отсутствие. Наверное, не желая оставаться в кабинете один, Виктор попросил меня подождать его, чтобы спуститься со мной до выхода, ему ещё предстоял обед в соседнем итальянском ресторанчике Piazza Torino, рассказав мне свежий анекдот про Штирлица, Виктор пошёл в сторону ресторана.

Чувство юмора у Виктора было особенным и зачастую сводилось к деньгам. Оно и понятно, с детства сын папы полковника и начальника местной полиции ни в чём особо не нуждался и всегда получал желаемое: первая поездка в Диснейленд в семь лет, знакомство с Лондоном в десять лет, любые игрушки, машинки всегда были в наличии. Ну и венцом желаемого был подаренный автомобиль BMW на восемнадцатилетие, который, кстати, ни разу не попадал в аварию

под управлением своего нового владельца. Не могу сказать, что моя симпатия к Виктору носила сугубо свойский характер, действительно, он был человеком дела и ни разу за долгий период общения с ним он меня не обманывал и не подводил. Но всё же приятно иметь в записной книжке телефон сына начальника местной полиции, тем более когда к нему же можно подъехать за советом или за решением какого-то особо сложного вопроса.

Заводя мотор своего «немца», я уже мысленно был в суде и думал, как бы быстрее оттуда выйти, шансов на то, что Беридзе сегодня поедет домой к маме с папой, у меня не было, речи об условной подписке о невыезде и надлежащем поведении не могло идти, тяжесть вменяемого преступления не позволяла суду избирать меру пресечения, не связанную с лишением свободы.

Такова была суровая практика всех судов по данной категории дел. Задержан с наркотиками и не отрицаешь факта их распространения и сбыта, и пусть это сказано без присутствия адвоката или сказано в явке с повинной, выбитой из тебя под угрозой физической расправы, значит, ближайшие месяцы проведёшь в СИЗО<sup>2</sup>, и никакие уполномоченные по твоим правам или адвокаты, рисующие свои высокие рейтинги в местной прессе, тебе не помогут.

Увы, об этой судебной практике пока что не знал мой под-

---

<sup>2</sup> СИЗО – следственный изолятор. Место для содержания обвиняемых в совершении преступлений до момента вынесения по делу приговора.

защитный Беридзе, который уже был доставлен в Кировский районный суд и ждал начала суда в камере-сборке.

Камера-сборка находилась в подвале суда и представляла собой небольшое помещение без решёток, по размеру она едва ли превышала девять метров, по её периметру были расставлены деревянные скамейки. Беридзе находился в камере один уже около двух часов, других арестантов увели на продление срока стражи, судя по их разговорам, они были морально готовы к этому. Беридзе же, напротив, к этому был совершенно не готов.

Нет, делая закладки и разбрасывая «клад», он мысленно понимал, что его могут поймать за руку, и тогда, возможно, придётся чуточку посидеть, но о том, что посидеть придётся всю оставшуюся жизнь или даже семь лет, и то в лучшем случае, как сказал адвокат, он и предположить не мог. «В самом деле, – думал про себя Беридзе, – и что я такого сделал? Убил человека? Нет! Сделал кого-то инвалидом? Тоже нет! Лишил кого-то по афере средств к существованию? Да тоже нет! Отобрал у бабушки пенсию, подождав её выхода из банка? Также нет!

Я, вообще, по идее никого не заставлял становиться наркоманом, они сами писали в чат, сами платили деньги и сами потом употребляли эти спайсы, соли, смеси, курили траву или ширялись. В итоге я просто был посредником, который выполнял работу, и ничего такого криминального и особо опасного я не сделал, да и мой адвокат, может, слишком мо-

лодой и неопытный, а может, вообще законов не знает. Нет, – уверял себя Беридзе, – всё будет хорошо, должно быть хорошо, ну не могут лишить свободы на 10 лет за несколько пакетов со спайсами».

Внутренний голос вроде как начал взывать к совести Беридзе, говоря о том, что да, ты никого не убил, не ограбил, не обобрал и даже не лишил жизни, а вот, возможно, деньги, которые ты получал от распространения этой отравы и дряни, не замараны чьей-то кровью, может, какой-нибудь торчок<sup>3</sup>, перед тем как купить у тебя очередной пакетик, избил ту самую бабушку, про которую ты только что думал, или, не дай Бог, убил её, или, наоборот, обобрал её до нитки. Мысли Беридзе начали ещё больше путаться, от себя и от совести, как известно, не убежать, увы, в положении парня эти рассуждения явно опоздали.

Припарковав машину у здания суда, я тут же нарвался на неприятности с местными «охранниками».

Парковка перед судом была разделена на две части: одна была для сотрудников суда, о чём прямо уведомляла прожжённая табличка с соответствующей надписью, выполненной от руки, другая же часть парковки (со значительно меньшим количеством мест) была предоставлена для всех иных лиц: посетителей суда, адвокатов, но не прокуроров, которым почему-то было разрешено парковать машину на

---

<sup>3</sup> Торчок (сленг) – наркоман, употребляющий тяжёлые наркотики длительное время.

стороне судейского сообщества. И по старому русскому обычаю мест для челяди, как всегда, с утра уже не было, а боярская же парковка была практически свободна.

– Молодой человек, а вам не кажется, что место для парковки вами выбрано не верно? – не представившись, начал повелительным тоном разговор судебный пристав-исполнитель, на котором зачем-то были надеты бронежилет и каска.

– Ну, во-первых, не молодой человек, а во-вторых, представьтесь и предъявите своё служебное удостоверение, – размеренно ответил я, направив в сторону представителя закона своё красное удостоверение адвоката.

– И что? Адвокат. Ну и? Вам тут парковаться нельзя, и все об этом знают! Немедленно уберите машину, в противном случае будем вынуждены вызвать наряд ГИБДД.

– А кто решил, что нам тут парковаться нельзя? Если нельзя, то вызывайте эвакуатор, составляйте протокол и увозите машину на штрафстоянку. Знаков, запрещающих мне ставить свою машину на якобы стороне судебной ветви власти, тут нет, это всё же публичное место, и какого-то забора я тут не вижу, или вы видите мир иначе?

На этом разговор был окончен, и судебный пристав-исполнитель направился за мной в сторону входа в здание суда.

Обогнав меня перед самым входом, он встал у входа и начал досконально изучать содержимое моей сумки, карманов, а также раза четыре потребовал пройти металлоискатель. Преодолев эту последнюю преграду, я наконец-то смог

дойти до кабинета дежурной судьи и сообщить о своей явке. На часах уже было 14:30, а следовательно, я чуть-чуть опоздал. Помощник судьи, забрав моё удостоверение, сказала дежурную фразу: «Ожидайте».

Судя по ярким дебатам, доносившимся из кабинета судьи, там непрерывно шёл процесс или кому-то избирали меру пресечения, а возможно, просто продлевали срок содержания под стражей.

В суете дня я ни разу не вспомнил про Дашу, я же ей за полдня так и не отправил дежурной смс: люблю, целую, обнимаю. В эту минуту из зала суда вышла помощница судьи и живо сказала: «Войдите».

Зал суда был весьма просторным и очень светлым помещением, с высокими потолками, на которых были установлены многочисленные видеокамеры, а также встроенные микрофоны, что всегда вызывало у меня улыбку, так государство пыталось бороться с коррупцией и якобы запрещало судьям общаться в своих кабинетах наедине с кем-либо или тет-а-тет. У входа на расстоянии 4 метров от стола судьи стояла клетка: зарешёченная кабина высотой 2 метра и шириной в один метр, внутри кабины стояла впаянная в пол небольшая скамья. Столика в клетке не было, да он и не положен был для человека, который уже всем своим видом и нахождением за решёткой для общества, суда и прокурора был виновен, без всяких там контрдоводов адвоката, его апелляций, ходатайств и прочих ухищрений.

Через несколько минут в зал завели Беридзе в сопровождении конвоя, состоящего из трёх человек. Закованного в наручники его сначала оставили у порога, а потом, после проверки клетки на присутствие в ней посторонних предметов, завели в неё. Выглядел он очень плохо, хоть внешне виду не показывал, но было и так понятно, что прошедшие сутки были на данный момент самыми сложными в его жизни.

Поприветствовав его, я начал кратко рассказывать ему порядок судебного процесса и то, что ему говорить на данный момент можно, а что нельзя. Беридзе лишь поинтересовался у меня, позвонил ли я его родителям и договорились ли мы о встрече?

Получив утвердительный ответ, Беридзе сел на скамейку и закрыл глаза. Чуть придя в себя, он спросил у меня: «Меня отправят в тюрьму?», получив также утвердительный ответ, он задал второй вопрос: «Есть ли шансы вообще выйти или хотя бы повидать родителей?». «Шансы выйти есть, но их не так много, повидать родителей ты точно сможешь, но только в камере для краткосрочных свиданий и то только с разрешения следователя, а его не так легко получить», – ответил я.

После этого Беридзе окончательно поник и перестал смотреть в мою сторону.

Спустя короткое время в зал вошла судья, облачённая в чёрную мантию. Судья Садовникова Ольга Сергеевна отличалась от всех других судей Кировского суда своим крутым

нравом, и даже хорошо, что именно она арестовывала Беридзе, так как в дальнейшем его дело она рассматривать не могла в силу уже вынесенного по нему судебного акта. Ольга Сергеевна в частных беседах с моими более опытными коллегами неоднократно выражала своё возмущение наркоторгарами, кивая в сторону Китая, мол, вон смотрите, как в стране развитого социализма – распространяешь наркотики, так будь готов ответить за это злодеяние не перед судом, а перед самим дьяволом. Но впрочем злые языки утверждали, что в определённых случаях её взгляды на жизнь кардинальным образом менялись, особенно когда наркоторгара защищали определённые адвокаты, но это лишь злые языки, а они могли просто врать.

– Встать, суд идёт! – громко произнесла помощница судьи.

Беридзе данное требование то ли не услышал, то ли проигнорировал, оставшись сидеть на своём месте. Как только судья села на своё место, её вопросительный взор был направлен в сторону Беридзе, который, по всей видимости, не понял, к кому было обращено требование о необходимости подняться с места.

Заслушав явку сторон, краткое изложение ходатайства следователя, а также изучив приложенные к ходатайству следователя документы и выслушав позицию стороны защиты по заявленному ходатайству, судья предоставила слово Беридзе, который после моей консультации произнёс следую-

щее: «Ваша честь, желаю воспользоваться положениями ст. 51 Конституции. Позицию своего защитника разделяю, прошу отпустить меня под подписку о невыезде и надлежащем поведении. Вину в совершённом преступлении не признаю».

Спустя короткое время после совещания судья вышла и огласила резолютивную часть постановления суда: «Избрать в отношении Беридзе Георгия Лаврентьевича 06.06.1996 года рождения меру пресечения в виде заключения под стражу сроком на 02 месяца 00 суток, то есть по 20.06.2016 года включительно. Постановление может быть обжаловано в Верховный суд Удмуртской Республики в течение трёх суток со дня его вынесения».

# Глава III

## День первый

После того как Беридзе получил в руки копию постановления о своём аресте и написал судье расписку в получении документов, у него было несколько минут на общение со мной. Я уведомил его о том, что приеду к нему через дней 10, так как первые 10 дней он будет сидеть на карантине.

Беридзе молча выслушал мои указания о том, как правильно себя вести в камере изолятора, а также запомнил три негласных правила поведения там. Правило первое запрещало любому арестанту сотрудничать с администрацией пенитенциарного учреждения в любой форме: будь то донос или иное сообщение о событии, произошедшем в камере.

Правило второе запрещало арестанту употреблять без необходимости бранные и матерные слова в любой их форме.

Правило третье запрещало арестанту играть в азартные игры в том случае, если материальной возможности вернуть проигранный долг у него нет.

«И ещё, Георгий, запомни, самое лучшее в твоей ситуации – это больше слушать, меньше говорить, а главное – не бояться беспредела со стороны сокамерников, и помни, по «незнанке» масть не катит, что означает то, что тебе сначала

объяснят понятия и быт, царящий «за забором»<sup>4</sup>, и только в случае нарушения этих самых понятий с тебя смогут спросить, но вот спросить могут очень строго, поэтому слушай внимательно и задавай вопросы, если что-то не понятно», – закончив монолог и уже направившись к выходу, я вдруг был окликнут Беридзе.

Беридзе, еле заикаясь, спросил у меня:

– А скажите, пожалуйста, статья-то у меня нормальная?

– Статья у тебя не позорная, всё должно быть нормально, – успокоил я его и вышел из зала суда.

Пройдя по коридору суда, я направился к выходу, в этот момент Беридзе, закованного в наручники, выводили из зала трое конвоиров.

Выйдя на улицу, я позвонил родителям Беридзе, которые подтвердили встречу, пора было возвращаться в офис, а я ведь за целый день даже ничего не поел, нужно было купить еды по дороге или заскочить в свой любимый чешский ресторан. Всё же второй вариант мне показался более предпочтительным, и я решил забежать и пообедать в элитном чешском ресторане «Пилзнер».

В чешском ресторане я обожал две вещи: во-первых, то, как там потрясающе готовят мясные блюда, ну, а во-вторых, это антураж и атмосфера средневековой Чехии, которая была тут воссоздана великолепно. Это выражалось как в мелочах – меню было написано на двух языках: русском и чеш-

---

<sup>4</sup> За забором – место отбытия наказания.

ском, так и в целом – место полностью воссоздавало средневековую Чехию конца XIX века: тут тебе и красивый расписной потолок, и мистические статуи гаргулий, величественно распускавших свои крылья на входе, и большие дубовые столы, ну и, конечно же, официанты, одетые в национальную одежду, что придавало месту ещё больший колорит.

Не могу отнести себя к эстетам, но мне всегда приятно, оказавшись в аутентичном месте, осмотреться по сторонам, прочувствовать нутром эстетику и красоту пространства. Особенно я любил послушать живую музыку на выходных, благо тут всегда устраивали концерты, а сам ресторан заполнялся элитой общества, называющей себя светской богемой.

– Dobrý den, co budete jíst?<sup>5</sup> – мило поприветствовала меня официантка, на бейджике которой было написано: «Мадленка».

– Добрый день, Ма-д-ленка, – едва прочитал я, запинаясь на втором слогe.

– Да можно просто Лена, – улыбаясь, произнесла Мадленка, – вам как обычно сегодня?

– Пожалуйста, принесите мне: Пивны клобаски, Фасолэвэ Говези и Злата Булу, ну и свиную рульку.

– Да, сейчас всё будет готово, через минут 10.

Покушав под приятную чешскую музыку и оставив щед-

---

<sup>5</sup> Чешский: «Добрый день, что будете кушать?»

рые чаевые со словами: «Děkuji moc»<sup>6</sup>, я вышел из ресторана и медленным шагом пошёл в сторону офиса.

В момент когда я выходил из «Пилзнера», арестанта Беридзе заводили в автозак – специальный грузовой автомобиль конвоя для этапирования арестантов. Автозак был выполнен на базе грузового автомобиля «Камаз», со специальным фургоном, предназначенным для перевозки арестантов.

Сам фургон представлял собой металлическую коробку, разделённую на 3 части. В первой части располагался конвой, состоящий из трёх надзирателей. При этом надзирателям было запрещено находиться в фургоне с оружием во время его движения, всё оружие перед отправкой автомобиля сдавалось в сейф, расположенный в кабине водителя, и выдавалось обратно при доставлении арестантов к месту прибытия.

Вторая часть представляла собой общую камеру на 10 человек, каждый из которых сидел на железной скамейке, прочно вваренной в настил пола, изготовленный из алюминиевого листа. Стены этой камеры были обшиты высококачественным цельным металлом, что исключало саму возможность его деформации и, следовательно, возможный побег. Именно в эту камеру должны были доставить Беридзе.

Третья часть предназначалась для особо опасных преступников и называлась камерой одиночного конвоирования.

---

<sup>6</sup> Чешский: «Спасибо большое».

ния. Это камера была небольшого размера и предназначалась для перевозки арестанта в положении стоя. При этом для постоянного надзора за его поведением камера была за решётчена с пола до потолка, а наручники арестанта сковывались с решёткой, чтобы руки не делали лишних движений.

Вход и выход в фургон осуществлялись через решётчатые двери из стального прутка диаметром 8 мм с замками, выполненными по специальному заказу на Тульском оружейном заводе. Подъём и спуск арестантов в фургон осуществлялись с помощью выдвигаемой железной лестницы длиной 50 см, включающей в себя 3 ступеньки.

– Арестант Беридзе! – громко прокричал высокий конвоир, сжимая в руках палку резиновую – 73, в народе прозванную «Демократизатором» или «Дубинатором».

– Да, я, – ответил Беридзе.

– Головка от ананаса, – в грубой форме прорычал конвоир.

В этот момент Беридзе подвели к двери автозака и начали заламывать ему руки и наклонять голову в пол двое других конвоиров, чтобы снять с правой руки одну пару наручников. После этого высокий конвоир, находящийся в фургоне, встав одной ногой на лестницу, начал надевать на правую руку Беридзе наручники, уже прикованные к своей руке. Таким образом осуществлялась передача арестантов от двери здания суда до двери фургона автозака. После того как дверь в фургон была закрыта, Беридзе был заведён в общую каме-

ру, в которой уже сидело три арестанта. Беридзе решил сесть рядом с дверью подальше от других мужчин, двое из которых о чём-то тихо перешёптывались, а третий просто сидел напротив них и молчал.

После того как автомобиль тронулся с места, арестант, который молчал, направился в сторону Беридзе. Это был коренастый мужчина лет 48, коротко подстриженный, отличительной особенностью которого были татуировки на фалангах пальцев правой руки, а также чёрные от кариеса зубы, половина которых начала медленно гнить, другая же половина больше напоминала лес после сильной бури, так как зубы либо были выкорчеваны либо сломаны. Его взгляд ассоциировался со взглядом охотника перед выстрелом в свою добычу, так как он подолгу любил смотреть в одну точку и о чём-то думать, словно вынашивая план какой-то аферы или план побега.

Всеволод Некочуев, первые пять лет своей жизни он провёл совместно со своей матерью в местах лишения свободы, ибо родился он в больнице женского исправительного трудового лагеря № 14, мать отбывала там свой третий срок. После освобождения мать лишили родительских прав, а Всеволода отправили в детский дом. Пожив три месяца в детдоме, мальчик сбежал оттуда и жил до 17 лет на улице или где придётся, пока не попался на первой краже из ювелирного магазина, а дальше пошло-поехало, этапы сменяли эта-

пы. «Столыпинский»<sup>7</sup> вагончик с Всеволодом нигде особо не задерживался, периодически отвозя своего пассажира в разные города и дали нашей необъятной родины.

– Ну что, давай рассказывай, откуда ты и как сюда попал, у нас, знаешь ли, тайн нет, – начал разговор Всеволод.

– Беридзе Георгий, сегодня в тюрьму отправили на 2 месяца.

– Меня Всеволод зовут, ты, наверное, «первоход», – продолжал свой опрос Всеволод, смотря не отрываясь в глаза Георгия.

– Да, первоход. Ранее не привлекался.

– А статья какая?

– 228.1, часть 4.

В этот момент двое других арестантов, услышав название статьи, встали со своего места и начали медленно идти в сторону Беридзе.

– Стало быть, барыга, ох, несладко тебе тут придётся, ох, несладко, – сухо отчеканил Всеволод, продолжая смотреть в глаза Беридзе.

Беридзе в этот момент начал сильно нервничать, так как в его жизни это было первое реальное общение с уголовниками, о которых ранее он только слышал в криминальных хрониках по телевизору либо в каких-то газетных статьях. В его

---

<sup>7</sup> Столыпинский вагончик (сленг) – вагон для конвоирования арестантов к месту отбытия наказания, назван так в силу наличия большего сходства с нечеловеческими условиями размещения.

представлении уголовный мир был не справедлив и там был только беспредел, попав туда, ты должен становиться волком ну или в крайнем случае гиеной и подчищать падаль за волком, если он тебе что-то оставил. Да, там, наверное, существовали какие-то правила или кодекс поведения, как у пиратов, но он, по всей видимости, не выполнялся либо выполнялся, но с оговорками.

– Эй, арестанты! – прокричал конвоир из-за двери. – Пасти прикройте, подъезжаем, вас сегодня «Красные козлы» принимать будут, так что готовьтесь.

В фургоне воцарилось молчание, все арестанты тут же приутихли. Георгий не понимал значение слова «козёл», да и не до этого ему было в тот момент. Нет, не чувство замкнутого пространства давило на него, а давило то, что он для общества с этой самой минуты такой же нежелательный элемент, как и все другие, вне зависимости от тяжести совершенного деяния. И где бы теперь он не появился, и куда бы теперь он не пришёл, везде рано или поздно люди начнут тыкать в него пальцем, припоминая ему грех. Но Георгий вдруг резко оборвал эту мысль, так как случиться этот «выход» в общество мог, как сказал сегодня адвокат, в лучшем случае через 8 лет.

Автозак остановился спустя короткое время у главного въезда в СИЗО № 1 города Ижевска. Это было старое здание, постройки середины XX века, оно не было рассчитано на город, в котором в настоящий момент проживало свыше

500 000 человек. Здание СИЗО имело несколько корпусов, первый из которых именовался П-1 и как раз служил тюрьмой с камерами, медицинской частью без операционного зала, а также прогулочной площадкой внутри двора.

Блок П-2 служил административной частью, в нём располагались общежитие ОБХО (отряд бытового и хозяйственного обеспечения, состоящий из тех осуждённых, которым наказание назначалось в виде лишения свободы до 1 года, которых с их же согласия оставляли работать в качестве прислуги для администрации), столовая для администрации СИЗО, этаж оформления специальных пропусков для доступа адвокатов, следователей, судей, общественных защитников.

Блок П-3 являлся гаражом для обслуживания автозаков и их ремонта.

По правилам СИЗО этап принимал дежурный отряд, состоящий из начальника отряда, который сверял личности доставленных лиц, а также оформлял их личные дела, осуществлял дактилоскопирование пальцев, а также делал фотографии в профиль для личного дела. Помогали ему в этом пять бойцов спецназа, на головах которых были надеты чёрные балаклавы, имеющие прорезы только для глаз, при себе у них были специальные средства, в числе которых: «Дубинаторы» или «Демократизаторы» в виде палки резиновой – 73, перцовые баллончики, наручники, а также электрошокеры.

Периодически принимать новый этап спецназу и начальнику отряда помогали «Красные козлы». Обычными козла-

ми называли тех арестантов, которые активно сотрудничали с администрацией, выполняя самую отвратительную работу для порядочного арестанта: мытьё полов, чистка унитаза, чистка душевых кабин.

Красные же козлы обычно набирались из числа «БС» – то есть бывших сотрудников правоохранительных органов, которые также были арестованы за совершённые ими должностные преступления, но содержались от остальной арестантской массы в отдельных более улучшенных условиях. За подработку по приёмке новых этапов красным козлам создавались комфортные условия, так им разрешалось звонить родным и близким людям по телефонам ночью, разрешалось получать продуктовые передачи сверх установленного лимита в 30 кг в месяц на одного человека, ну и главное – в «красных» камерах были установлены телевизор, холодильник, а также душевая кабина.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.